

так как в надписях мы сталкиваемся с терминологическим разнообразием, характеризующим и участки земли, и земледельцев: *kama*, *onato kama*, *onata kotona kitimena*, *onata kekemena kotona*, *onata paro damo*, сами держатели называются и *теретами*, и *камаевсами*, и *onatere*, и *kotonooko*, причем владельцы *κτοίνα* («частных» и *kekemena*) бывают также арендаторами различных наделов и т. д.

Нам неизвестны различия в положении держателей *κτοίνα* и *onato*, но что такие различия существовали, косвенно подтверждается надписями Ер 704/Еб 297, хотя речь в них идет не о *κτοίνα*, а об *etonijo*. Основной лейтмотив этого текста, где жрица и народ спорят о статусе ее участка — *onato* или *etonijo*? — заключается в явном нежелании Эриты распоряжаться землей, находящейся на положении *onata kekemena kotona paro damo*.

Термин *kotonooko*, на наш взгляд, не может обозначать собственника земли (Лурье, Деруа — Жерар). Понятие «собственник любой земли» терминологически не выражено в текстах линейного В. В надписях представлен такой способ описания земельных отношений, в основу которого положен принцип категории земли, но не земли вообще.

То, что различие в категориях земель имело фундаментальное значение для социальной организации Пилоса, видно из терминов, обозначающих некоторые категории населения — *kamaewes*, *kotonooko*, *tereta*, *akotono*, *onateres*. Историческая типология подтверждает существенность такой терминологической связи — статус земли (или обязательства, лежащие на лицах по отношению к земле) и статус того, кто ею владеет. В этом смысле система терминов линейного В сильно отличается от земледельческой лексики поэм Гомера.

THE TERM SYSTEM IN LINEAR B

! (*kotonooko* — *onatere* — *akotono*)

G. F. Polyakova

The term *kotonooko* cannot, in the author's opinion, mean «landowner». The concept «landowner» is not given terminological expression in Linear B texts. Land relations are so described in the tablets as to make the point of reference not land in general but one or another category of land. In this respect the Linear B term system differs radically from the agricultural lexicon of the Homeric poems.

Э. Л. Грейс

СТАТУСНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЗАКОНЕ ПЛАТОНА ОБ УБИЙСТВЕ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ афинских юридических текстов иногда представляет трудности из-за неопределенности или семантической нестабильности некоторых ключевых слов. Я имею в виду не только термины, обозначающие статус (гражданин, свободный, раб, чужеземец) основных сторон в деле о правонарушении, предусмотренном данным законом, но и тексты, где статусные термины чередуются с другими словами или выражениями, которые сами по себе ничего не говорят о статусе обозначаемого лица. Например, злодей или потерпевший может быть обозначен причастием или другим словом, указывающим на вид обиды, нанесенной первым или испытанной последним («грабитель» — «ограбленный»); или же та или другая сторона может быть названа неопределенным местоимением *tis* — «кто-нибудь». При изучении вопроса о влиянии статуса сторон на их судебные права в Афинах классического периода меня прежде всего интересовало обозначение убийцы в двух известных сводах законодательства об убийстве: законе Драконта, обычно датированном около 621 г. до н. э.¹, и законе, составленном Платоном около середины IV в. для второго из его идеальных государств (Leg. 865a — 874 c). Платоновский закон сохранился полностью, хотя, возможно, автор намеревался, пока смерть не прервала его работу, подвергнуть его текст дальнейшему редактированию. Он, безусловно, оставил более молодым коллегам многое для дополнительной разработки, как это, кстати, было ему свойственно (см. Leg. 769—770, 957a).

Вопрос о характере соотношения между идеальным и реальным законами — сложный, более сложный, мне кажется, чем это обычно признается². Но одна черта платоновского закона вырисовывается со всей ясностью с первого же чтения, а именно, намерение законодателя учесть все случаи убийства, какие только могли бы возникнуть в греческом полисе IV в. Соответственно, его закон изобилует статусными терминами и другими способами обозначения сторон в деле об убийстве, предоставляя исключительно богатый материал о греческом словоупотреблении, характерном для интересующего нас контекста. Поскольку здесь мало что нужно исключить как чисто «платоновского», анализ этого материала может прямым образом содействовать выяснению статуса убийцы, ос-

¹ Arist., Ath. pol. IV, 1. См. F. Jacoby, *Atthis. The Local Chronicles of Ancient Athens*, Oxf., 1949, стр. 308, прим. 58.

² Некоторые стороны этого вопроса затронуты мной в статье «Правовое положение рабов в делах об убийстве», ВДИ, 1974, № 2, стр. 50 сл.

тавшегося неопределенным всюду в сохранившихся фрагментах афинского законодательства об убийстве и в бесспорных ссылках у древних авторов на его предписания.

Наилучшим подходом к анализу статусных различий в законе Платона будет предварительное рассмотрение двух планов или плоскостей, в которых греки мыслили об этих различиях. Когда афинянин IV века хотел передать идею «все» в смысле всех, кто населял или посещал Атику, он мог сделать это путем употребления одной из двух групп статусных обозначений. Действительно, не было иного способа выразить эту всеобщность иначе, чем с помощью некоторой комбинации статусных терминов, так как неравенство перед законами было в плоти и крови даже самого демократического из античных городов-государств. Одна из этих комбинаций, — вероятно, более раннего происхождения, чем другая, — это противопоставление ἐλεύθερος — δοῦλος, «свободный — раб», которое охватывает целое простым разделением его частей на тех лиц, кто имеет права в общине, и на тех, кто их не имеет. Другая комбинация — это ряд: гражданин (ἰστίς, πολίτης), метек, ксен, раб (в этом ряду — обычно οἰκέτης). Не всегда налицо будут все эти термины, они могут появляться в том или ином порядке, но любая пара из них указывает на весь ряд, т. е. обнаруживает «план», по которому говорящий мыслит о составных частях населения. Это уж не поляризация всеобщности на две противоположные части, а градация, перечисление различных групп по их относительному правовому положению, от обладания всей полнотой прав до обладания очень незначительными правами или никакими вовсе. Из указаний на этот ряд чаще всего отсутствуют гражданин и раб: первый потому, что его всегда можно «подразумевать» (как исходную точку обзора); второй — потому, что в градации прав это скорее ксен, чем раб, который в принципе находится вне общины в абсолютном смысле и поэтому представляет более подходящую конечную (нулевую) точку. К тому же, и раба можно «подразумевать» как «привесок» своего господина; и поскольку гражданин, даже когда он не представлен статусным термином, как бы доминирует над всей серией, то раб, даже только «подразумевавшийся», часто, вероятно, будет восприниматься как раб гражданина. Во всяком случае, лучше всегда учитывать возможность этого; то же самое относится к обоим терминам первой комбинации — «свободный — раб».

Трудности, создаваемые иногда неопределенностью или семантической нестабильностью значения некоторых слов, касаются двух из статусных терминов, обсуждаемых здесь, а именно ἐλεύθερος и ξένος. Негативное значение в обоих случаях ясно и постоянно: ἐλεύθερος — не раб, а ξένος — не гражданин. Он — чужеземец, но и метек — также чужеземец, и в обыденной речи слово «ксен» нередко употребляется там, где контекст — метеков. В Ath. pol. LVII, 3 Аристотель, говоря о юрисдикции Палладия в делах, где «кто-нибудь» убивает не-гражданина, тщательно разделяет эти понятия: καὶ οἰκέτην ἀποκτείνῃ τις ἢ μέτοικον ἢ ξένον, «также если кто-нибудь убьет раба или метека или ксена». Очевидно, в пунктах закона об этих двух делах проведено какое-то различие в отношении процедуры и (или) меры наказания. Слово ἐλεύθερος, взятое в простом значении «свободный», должно покрывать всех тех, кто не раб, независимо от их положения на правовой шкале. Но не всегда так было; иногда под этим словом подразумевали понятие «гражданин».

В тексте «Афинской политики», цитированном выше, статус «гражданин», хотя он и не представлен термином, ясно обрисовывается, как обратный силуэт, присутствием полного комплекта определений других статусов. Последний термин в ряду избавлен от двусмысленности присут-

ствием термина «метек»: ксен здесь — «совсем» чужеземец, т. е. он — не метек. Эта формулировка «всеобщности» не только стоит в иной плоскости, чем антитеза «свободный — раб», но знаменует прохождение целой эпохи, в течение которой расширяющиеся торговая деятельность и политические интересы втянули афинян во внешний мир и внешний мир в Афины и побуждали афинян добиваться более точного определения не только своих отношений с этими чужаками, но и более точных критериев своего собственного статуса. В значительно более ранний, «архаический» период, к концу которого Драконт первым записал афинские законы (Ath. pol. XLI, 2), население Аттики, по моему, несколько туманному предположению, состояло по большей части из афинян и их семей, включая их рабов и, может быть, чужеземку-жену, или наложницу, которая содержалась для рождения «свободных» детей — ἡν ἂν ἐπ' ἐλευθέροις παίσιν ἔχη³. Тогда слово «свободный», вероятно, обозначало людей, обладавших (реально или потенциально) полнотою прав в общине, тех людей, которые позже стали называться πολῖται. Архаическое значение слова ἐλευθέρους оставило след в словоупотреблении классического периода, или, может быть, следует сказать: из семантической нестабильности этого слова в классический период может быть извлечено его архаическое значение⁴.

Платон также употребляет ἐλευθέρους в «архаическом» смысле и не только в его законе об убийстве⁵. Достаточно одного примера из другой части «Законов», где речь идет о распределении продуктов питания (Leg. 847e — 848c). Вся эта продукция должна быть разделена на три части (848 ab): «одна часть для свободных, одна для их рабов, а третья для ремесленников и вообще ксенов», как проживающих, так и приезжих (ἐν μὲν τοῖς ἐλευθέροις, ἐν δὲ τοῖς τούτων οἰκέταις τὸ δὲ τρίτον δημιουργοῖς τε καὶ πάντως τοῖς ξένοις κτλ.). То, что он имеет в виду здесь под «свободными», уточнено несколько ниже (848 c): λαβὼν ἕκαστος τῶν πολιτῶν τὰ δύο μέρη κύριος ἔστω τῆς νομῆς δοῦλοις τε καὶ ἐλευθέροις, «пусть каждый из граждан, получив две части, будет ответствен за деление их между рабами и свободными», т. е. между им самим и своими рабами. Вопрос о том, как «ремесленники и вообще ксены» (только ксенам будет разрешено заниматься ремеслом и торговлей: 846 d, 849 c) будут делить свою третью часть продуктов со своими рабами, не интересует законодателя. Такое же кажущееся беспричинным отношение к выработке мер, касающихся ксенов, замечается в платоновском законе об убийстве; однако там можно объяснить это не просто безразличием или рассеянностью, а чем-то более существенным. Но из сопоставления 848a и 848c ясно одно, что в первом месте слово ἐλευθέρους может обозначать только граждан. В законе Платона об убийстве, как я надеюсь доказать, термин ἐλευθέρους (как и обозначение «кто-нибудь») во всех случаях подразумевает гражданина.

³ D e m., XXIII, 53, цитата из драконтовского закона об оправдываемом убийстве.

⁴ Дискуссию по поводу значения ἐλευθέρους в D e m., XXIII, 53 и примеры сохранения этого значения в словоупотреблении IV в. см. Э. Грейс, О конкубинате в Афинах классического периода, ВДИ, 1968, № 1, стр. 43—47. Слово ἐλευθέρους читается в тексте драконтовского закона, переизданного на стеле 409/8 г. (IG, I², 145, 36—37; см. R. S. St r o u d, Drakon's Law on Homicide. Berkeley, Los Angeles, 1968, стр. 56 сл. и факсимиле), но на той части камня, где восстановление контекста почти невозможно. Однако некоторые указания в сохранившихся словах, включая новые буквы, прочитанные Струдом, позволяют предположить, что здесь, как и в D e m., XXIII, 53, этот термин не применен ни к жертве, ни к убийце.

⁵ См. G. R. M o r r o w, Plato's Cretan City, Princeton, Oxf., 1960, стр. 323, прим. 88: автор дает полезный обзор мест в «Законах», где слово ἐλευθέρους употреблено для обозначения граждан.

Закон Платона имеет три крупных раздела следующего содержания:
 I (865a — 866d) — убийство, явившееся результатом насилия, причиненного без намерения убить (ἄκων)

II (866d — 869e) — убийство, совершенное в порыве страсти или гнева (θυμῷ), а также ненаказуемое убийство при самозащите (ἀμυνόμενος)

III (870—874b) — предумышленное убийство (ἐκόν, ἐκ προνοίας).

Следующая схема показывает употребление в законе всех статусных обозначений убийц и жертв, причем последние различаются падежным окончанием по модели ἐὰν κτείνῃ τις τινα. Слово «кто-нибудь» покрывает неопределенные обозначения.

I [Ἄκων]

865-e δοῦλον (ἀλλότριον)

кто-нибудь αὐτοῦ δοῦλον

ἐλεύθερον

ξένον (ἐὰν ξ. ὁ τελευτήσας ᾖ)

866bc

ξένος μέτοικος ξένον

ξένος παντάπασιν ξένον, μέτοικον, ἀστόν //

II [Θυμῷ]

867c—868a

кто-нибудь ἐλεύθερον

δοῦλον ἑαυτοῦ

δοῦλον ἀλλότριον

868bc

δοῦλος δεσπότην αὐτοῦ

(ἄλλον) ἐλεύθερον

868c—869c Убийство внутри семьи (нет статусных обозначений)

869d ἀμυνόμενος

πολίτης πολίτην

ξένος ξένον

ἀστός ξένον

ξένος ἀστόν

δοῦλος δοῦλον

δοῦλος ἐλεύθερον

III [Ἐκόν]

871—872a

кто-нибудь ἐμφύλιον

872ab

ξένος ξένον

ἀστός ξένον //

ξένος ἀστόν

δοῦλος δοῦλον

872bc

δοῦλος ἐλεύθερον

872c

кто-нибудь δοῦλον

Начнем с рассмотрения некоторых «платоновских» моментов. Большой отдел в разделе II об убийствах, совершенных внутри семьи, отмечен в схеме потому, что в нем последний тип дела (если дети убьют своих роди-

телей даже при самозащите — 869b) сигнализирует переход к отделу о ненаказуемом убийстве при самозащите: «если же брат убивает брата во время междоусобицы и в т. п. обстоятельствах», после чего следуют дела, где определяется статус сторон. Этот отдел кончается с переходом к основному типу «раб — свободный». Предыдущие типы дел о ненаказуемом убийстве как бы служат звеном между двумя очень важными для Платона разновидностями убийства, а также удобным местом для подведения под закон почти забытых ксенов.

Говоря об «основных» типах дел, я имею в виду те типы, где жертва обозначена термином ἐλεύθερος (в разделе III: ἐμφύλιος, «соплеменник») и где δοῦλος появляется или как убийца «свободного» или как жертва «кого-нибудь». Особое внимание, оказанное Платоном этим типам дел, выражается в более подробной трактовке процедуры в пунктах о них по сравнению с мерами, касающимися ксенов, особенно теми, которые даны во II и III разделах.

В самом деле, группа пунктов по комбинации ксен/гражданин⁶ и по типу дела «ksen — ksen» в 869d и 872ab мало в чем отличается от голого списка терминов или памятной записки (о последнем типе в этой группе, «раб — раб», речь пойдет ниже). Процедура для ведущего дела в разделе III, типа «кто-нибудь — ἐμφύλιος», подробнее трактуется, между тем как для следующих мер (872ab) вся процедура сведена к фразе τὰ αὐτὰ δὲ ἔστω ταῦτα, «пусть эти же самые (правила) применяются (для)», хотя во многих отношениях это было бы невозможным на практике. Похожее сходство — по содержанию (разница только в синтаксическом строе) и в полном отсутствии процедурного развития — между списком дел в разделе III и списком в разделе II (869d), где убийства не имеют ни карательных, ни религиозно-ритуальных последствий (ἔστω καθάρως), наводит на мысль о том, что это, действительно, лишь памятные записки: тут нужно внести пункты по делам, представляющие такие-то и такие-то статусные комбинации.

Отсутствие в разделе I основного типа дела «раб — свободный» можно, конечно, объяснить по-разному. Объяснение, которое, на мой взгляд, лучше всего согласуется с композиционными особенностями этого закона, заключается в том, что в этом разделе Платона интересовала в первую очередь этиология изгнания как способа искупления вины за непреднамеренное убийство. Рассказав μῦθος об этом (865de) в связи с ведущим делом «кто-нибудь — свободный», которое в этом разделе занимает третье место в триаде основных типов дел, Платон сразу переходит к смешанному типу («кто-нибудь» — ксен), так как для этого случая формулировка нуждается в модификации. Вместо того, чтобы покинуть на определенный срок места — родные и для убийцы, и для его жертвы (в первом случае речь, очевидно, шла о двух гражданах), убивший ксена должен в о з р е ч ь, очевидно, шла о двух гражданах, убивший ксена должен в о з р е ч ь, очевидно, шла о двух гражданах, убивший ксена должен в о з р е ч ь, очевидно, шла о двух гражданах. Затем следует держаться от посещения родины убитого. Затем следует назначение сроков для убийц из ксенов и метеков, — а тип «раб — свободный», не имеющий отношения к теме изгнания, теряется из виду.

Тип дела «раб — раб», который включает списки в 869d и 872ab, применение к которому «этих же самых правил» уже полная нелепость, лучше всего объясняется как удобный словесный переход к основному типу «раб — свободный».

Одно опущение из списков в 869d и 872ab, а также из пунктов в I разделе, касающихся чужеземцев, ставит под вопрос мою интерпретацию слов ἐλεύθερος и τις в этом законе. Речь идет об отсутствии комбинации

⁶ Условным знаком «/» здесь и в дальнейшем указывается и на тип дела «А — Б» и на обратный тип «Б — А».

ксен/раб. У меня нет бесспорных аргументов для разрешения этой проблемы, но также нет и намерения отступить от убеждения в том, что там, где жертва определена как раб, как «свободный» или же как «соплеменник» (871a), убийца, хотя (и потому что) его статус не определен, должен восприниматься как гражданин (то же самое относится к «свободной» жертве). Гражданин — главный предмет законов Платона (см. 630e — 632), и в этом законе, там, где включены другие статусные группы, это сделано ради граждан. В последующем анализе представлено более формальное доказательство моей гипотезы, а также заключение, к которому она приводит в отношении наличия в законе Платона мер, касающихся убийц из не-граждан. Пока что можно отметить, что отсутствие комбинации ксен/раб — не единственное опущение такого рода в законе, который тем не менее явно предназначен охватить своими мерами все случаи убийства, какие будут происходить среди населения этого «идеального» полиса. Приведенная ниже таблица показывает, что из 25 возможных типов дел только 10 прямо названы в законе.

В таблице прописными буквами даны термины, обозначающие убийц, остальные — их жертвы. Во главе первого столбца слово «гражданин» относится и к делам с «кем-нибудь» и к тем, где гражданский статус оговорен⁷. Там, где слово «гражданин» появляется среди жертв, оно представляет собой или статусный термин или такое слово, которое в данном контексте применимо только к гражданам. Слово «свободный» соответствует действительному употреблению ἐλεύθερος.

ГРАЖДАНИН	КСЕН	МЕТЕК	СВОБОДНЫЙ	РАБ
ксен + (I, II, III)	гражданин + гражданин — (I, II, III)		гражданин —	гражданин —
метек —	метек + (I)	ксен + (I)	ксен —	ксен —
свободный + (I, II)	свободный —	свободный —	метек —	метек —
раб + (I, II, III)	раб —	раб —	раб —	свободный + (II, III)
гражданин + (II, III)	ксен + (I, II, III)	метек —	свободный —	раб + (II, III)

Бросается в глаза, прежде всего, то, что все названные в законе комбинации фактически существуют в первом столбце (метеки могут быть охвачены термином «ксен») и полностью отсутствуют в четвертом. Иными словами, убийца никогда не определяется словом ἐλεύθερος.

Взгляд на схему (стр. 74) покажет, что «свободный» появляется в качестве жертвы «кого-нибудь» в разделах I и II только в начальной триаде дел, и что он, очевидно, соответствует ἐφύλλος, жертве «всякого» (ὅς ἔν) в ведущем типе раздела III, при этом жертва, несомненно, гражданин⁸. Что касается «кого-нибудь», то если бы как убийца «свободного» под ним действительно подразумевался кто угодно, т. е. если он мог быть воспринят или как свободный, или как раб, или гражданин, или ксен (или метек), то включение Платоном типа «ксен — гражданин» и комбинации ксен/метек в раздел I, а также, в раздел II типа «раб — свободный», появляющегося дважды в этом разделе и один раз в разделе III, оказалось бы излишним (тип «кто-нибудь — ксен» в разделе I можно воспринимать

⁷ Нужно было поставить определение «гражданин» во главе этого столбца, так как иначе не получилась бы осмысленная таблица. На последующих страницах станет ясным, что это не *petitio principii*, а предвосхищение вывода, который может быть доказан вполне самостоятельным образом.

⁸ См. P l a t., Resp. 565e; M o r r o w, Plato's Cretan City, стр. 112, прим. 5.

как подтип дела «кто-нибудь — свободный», хотя я не думаю, что так следует это воспринимать). Получилась бы бессмыслица и в отношении содержания закона (распределение мер наказания) и в отношении его структуры, а это — одна из причин для понимания под «кем-нибудь» гражданина.

Гражданин обозначен как таковой (πολίτης, ἀστός) только в комбинации или с другим гражданином (ведущей в перечень дел, касающихся не-граждан в 869d) или с ксеном; когда в деле со смешанными статусами жертва — раб, убийца всегда «кто-нибудь». С другой стороны, в делах со смешанными статусами, где убийца — раб, его жертва определена только словом ἐλεύθερος (в 866d δεσπότης — не настоящее исключение). Могут сказать, что в этих последних делах слово «свободный» предназначено покрыть и гражданина и не-гражданина в качестве жертвы и что это восполняет отсутствие типа дела «раб — ксен». Однако в таком случае остается еще проблема отсутствия в законе типа дела «ксен — раб». Будет ли дозволено ксенам, пребывающим в идеальном городе, безнаказанно убивать их собственных рабов, рабов других ксенов и даже рабов граждан? Все в трактовке статусов в платоновском законе об убийстве заставляет думать, что, если бы Платону задали этот вопрос, он ответил бы: «Конечно, нет». Но я думаю, что на самом деле мы остаемся с проблемой отсутствия обоих типов дел в комбинации ксен/раб, как было сказано вначале, и что, если мы рассмотрим ее с другого угла зрения, она перестанет быть проблемой. Если бы Платон сам выявил все эти утомительные возможности комбинирования статусов и был обеспокоен отсутствием ксена как убийцы раба, он вставил бы это дело в свою формулу и обезопасил бы себя от подобных вопросов. С другой стороны, — и это, я думаю, более вероятно, он мог бы, наоборот, прибавить к своему краткому ответу на только что поставленный вопрос: «но вставить это нет никакой нужды, — ведь я и говорю о свободных, убивающих рабов, и наоборот». Словесно он был бы прав, но опущение все же реально и включает оба типа дел в этой комбинации.

Все дело в том, что статусные различия проводились в двух планах, и они пересекались там, где совпадали понятия «свободный» и «гражданин». Вообще это вопрос словоупотребления. Противопоставляли друг другу слова ξένος и δοῦλος редко (кажется, никогда); эта антитеза, очевидно, не легко приходила на язык и на ум. Термин ξένος соединялся с термином πολίτης (или ἀστός), иногда и с οἰκέτης (в ряде «граждане, ксены, рабы»), а δοῦλος — с ἐλεύθερος. Особенно в последнем случае, когда произносился один из этих терминов, другой приходил на ум независимо от того, был ли он произнесен; при этом понятие «свободный» обычно не было двусоставным: значение «гражданин + ксен» не возникало в уме одновременно с этим⁹. Имелся ли в виду гражданин или ксен, когда говорили ἐλεύθερος, зависело от контекста (могли иметь в виду просто «не раб»). Поэтому я думаю, что в начальной триаде разделов I и II слово ἐλεύθερος использовано для обозначения статуса жертвы потому, что единственный другой статусный термин, использованный в триаде — δοῦλος; но что, подобно жертве — ἐμφύλιος в главном деле в разделе III, эта «свободная» жертва — гражданин. То же самое, вероятно, относится

⁹ Это было так отчасти, может быть, потому, что по существу слово ξένος когда оно не означает «гостеприимец» (или, конечно, «наемник»), указывает на человека, не имеющего никакого «статуса» в данном полисе, на «чужака». Применение этого слова к метекам отражает и чужеземное происхождение метеков и тот исторический процесс, который, во всяком случае в Афинах и в определенных обстоятельствах, превращал «совсем» чужеземцев все больше в своего рода «ближних людей». Оба эти фактора, вероятно, содействовали тому, что не произошло окончательного терминологического отделения метеков от ξένοι.

(хотя, я признаю, это менее просто показать) ко всем, кто в законе назван ἐλεύθερος. Подобные же рассуждения приводят к заключению, что когда «кто-нибудь» сопряжен в качестве убийцы или с δοῦλος или с ἐλεύθερος в качестве жертвы, он сам мыслится как «свободный», и значение слова сразу же дальше суживается контекстом до «гражданина».

В афинских законах о ненамеренном и предумышленном убийстве, насколько можно судить по нашим фрагментарным сведениям, убийца всегда «кто-нибудь» (ἐάν ἀποκτείνῃ τις —) и жертва обозначена тем же неопределенным местоимением (τινα), или каким-нибудь другим нестатусным словом (глагол «убьет» мог и не иметь выраженного дополнения), если только не нужно было указать на статус не-гражданина (Arist. Ath. pol. LVII, 3 — см. выше, стр. 72). Каждый из трех главных разделов платоновского закона об убийстве начинается обозначением убийцы в этой же манере (865b, 866d, ср. 867c, 871a). Первое статусное различие, проведенное в законе, относится к жертве, и оно находится в плоскости «(свободный) — раб», хотя на словах убийца все еще «кто-нибудь». Когда сразу после разъяснения наказания изгнанием, предписанного для «кого-нибудь», кто непреднамеренно убьет (не раба, как в двух предшествующих пунктах, но) «свободного», Платон интерпретирует то же наказание в применении к такому же убийце в случае, если жертва — ксен, он впервые переходит от плоскости «свободный — раб» к плоскости «гражданин — не-гражданин» (может быть, не случайно то, что в 865e убийца не обозначен вовсе, а говорится: «если умерший — ксен»). Он продолжает находиться в этой плоскости — и вне плоскости «свободный — раб», — когда он дает предписания для убийц — не граждан, как здесь (866bc), так и в списках у 869d и 872a. Тип дела «раб — раб» в конце формулы возвещает переключение обратно на плоскость «свободный — раб», которое завершается в последующей комбинации раб/свободный. Здесь убийца, не-раб, снова появляется как «кто-нибудь» (872c), а в качестве жертвы раба (δοῦλος) он, по правилам словоупотребления, назван ἐλεύθερος (868bc, 869d, 872b).

Гражданский статус убийцы, названного словом «кто-нибудь», может быть выведен не только из того, что все разделы закона начинаются с него, выступающего в качестве убийцы, а во втором и третьем разделах он достаточно ясно, хотя и косвенно (словом φεύγειν; см. мою статью в «Eirene», XI, 1973, стр. 8 сл.), определен как гражданин, и не только из включения в закон дополнительных типов дел, где убийца обозначен как ксен или раб (что иначе было бы излишним), но также и из того, что два определенных и различных наказаний предписаны в первом разделе для ксена, который убьет другого ксена, метека или гражданина, и для «кого-нибудь», кто убьет «свободного». Ксен должен быть выслан навсегда с территории полиса, между тем как «кто-нибудь», убивший «свободного», должен идти в изгнание на один год (866c, 865de). Такое же можно вывести из разницы в наказаниях, предписанных в разделе II для «кого-нибудь» и для раба, убивших «свободного». Следовательно, ни «кто-нибудь», убивший «свободного», ни сама эта жертва не должны восприниматься только как свободные в наиболее широком смысле любого человека, кто не является рабом, но в обоих случаях речь идет о гражданах. Отсюда следует также, что ксен нигде, даже по смыслу, не представлен в законе ни как убийца, ни как жертва раба.

Эти два вывода, вместе взятые, подводят нас так близко, как только возможно, к подтверждению ранее высказанного мнения, что Платон — и, я думаю, не один Платон среди классических авторов — нередко, и в частности в его законе об убийстве, когда он писал на одном уровне статусов, терял из виду взаимосвязанность его с другим уровнем. Когда он

создавал предписания для ксенов в противоположность гражданам, он терял из виду рабов первых. Когда он писал о свободном и рабе, он забывал о негражданском компоненте понятия «свободный». Поэтому не только под словом ἐλεύθερος в этом законе нужно понимать гражданина, но и слово δοῦλος указывает на его же собственного раба или раба его согражданина. Легче понять, как это могло получиться, если поразмыслить, что антитеза «свободный — раб», как выражение сложившегося отношения полисного общества, — явление более раннее, чем антитеза «гражданин — ксен»; она и в классическое время вошла более глубоко в общественное сознание и более широко окрашивала его. Это не значит, что рабовладение классического типа («chattel slavery») появилось раньше того, как ксены стали заметным фактором в афинской жизни, скорее наоборот. Но это может означать, что в юридическом отношении ксены в целом оставались исключительно «внешним» явлением вплоть до рубежа VI—V вв., когда, вероятно, был учрежден институт метеков; а затем, во время Первого морского союза, когда граждане союзных городов все больше подводились под действие афинских судов, начали распространяться также межполисные юрисдикционные договоры и появились другие учреждения для регулирования споров между афинянами и чужеземцами. Между тем рабовладельческие отношения восходят своим началом к архайке, когда они носили еще внутрийкосный характер.

Результаты анализа проблемы двух уровней различения по статусам также оказывают косвенную поддержку моей главной гипотезе: что Платон, отходя от афинской модели, в которой статус убийцы не был указан (поскольку предусматривались преступники только одного «статуса»), отошел от этой модели, когда он включил в свой закон меры, касающиеся дел убийц других статусов. Господство антитезы «свободный — раб» в сознании афинян времени Платона отчасти объясняет более видное место, занимаемое мерами, касающимися этой комбинации статусов в его законе, и большую разработанность этих мер по сравнению с его трактовкой типов дел, касающихся свободных не-граждан. Но все же в отношении убийц из рабов, как и в отношении убийц из свободных не-граждан, в большинстве случаев ясны признаки того, что при составлении пунктов по их делам Платон не пользовался готовыми образцами, а это давало большую возможность воздействовать на его разработку пунктов по этим делам влиянием неюридического характера, включая и влияние привычных словесных ассоциаций.

Типы дел, где убийца — гражданин, полностью представлены во всех частях закона Платона; в I и II разделах «промежуточные» статьи о не повиновавшихся закону преступниках (866ab, 868ab, d, e, 869a) и общая статья о случае прощения убийцы умирающей жертвой (869de) явно имеют в виду граждан в качестве убийц. Зато меры, где в этом качестве выступают свободные не-граждане (за исключением I раздела), отличаются крайней сокращенностью и, особенно в III разделе, неразработанностью в процедурном отношении. Последний недостаток относится и к трактовке (в том же разделе) раба в роли убийцы. Вообще в трактовке обеих этих категорий преступников заметна «забывчивость» со стороны законодателя по отношению к ним (в качестве убийцы раб вовсе не появляется в I разделе, ксены появляются во II разделе только в той части его, где убийство объявлено непроступным). Как было замечено, неровность в трактовке этих типов дел можно объяснить отчасти композиционными соображениями автора, например, тем, что он хотел особо выделить в данном разделе. Теперь можно постулировать еще другое влияние, приводившее к такому же результату, а именно, влияние, оказанное на ход законодательного мышления теми определенными рамками, в которых сложились

понятия о статусных взаимосвязях и противоположностях. Это влияние проявляется у Платона в тенденции идти по одному «плану» статусных различий и при переходе на другой план полностью переключиться на него в ущерб всестороннему охвату тех комбинаций сторон по статусам, которые в реальном полисе жизнь представляла бы перед законодателем (например, комбинация ксен/раб).

Платоновские меры об убийстве, совершенном рабами, привлекали особое внимание современных ученых, занимавшихся проблемой восстановления трактовки аналогичных случаев афинским законодательством об убийстве. Выбор, предоставленный законом Платона в отношении таких дел, — довольно широкий. Тем не менее Г. Р. Морроу, большой специалист по данной проблеме, находит аналогию с афинской юридической практикой, прежде всего, в одном платоновском пункте — в мере о наказании раба, предумышленно убившего свободного человека, где указывается на предшествовавший этому наказанию приговор суда (872b). В этом выборе, очевидно, играло большую роль то, что Морроу (и не один Морроу) вполне доверчиво относится к коварным «доказательствам», представленным подсудимым в деле об убийстве Герода в целях убедить судей в том, что его обвинители сами подлежат судебному преследованию за казнь раба без суда¹⁰. При этом Морроу, как и другие искатели подобных аналогий, проходит мимо совсем иного рода мер, касающихся того же типа дела, которые предложены Платоном для наказания раба, убившего свободного в порыве гнева (868bc). Между тем именно в этих мерах, где нет в помине судебного разбирательства, видно влияние не только окружающего процедурного контекста, но и понятия о правовом положении рабов, которое наиболее характерно для самого Платона и для афинян его времени. В самом деле, к тем, кто ищет у Платона параллели с аттическими нормами в этой области права, можно обратиться со словами фабулиста: здесь Родос, здесь и прыгни.

Но, на мой взгляд, более существенным для понимания взаимоотношений платоновского и афинского законодательства об убийстве является то, что Платон во всех своих мерах о делах, касающихся убийц из неграждан, был новатором, в том отношении, что он вообще включил в свой закон наряду с мерами, касающимися убийц-граждан, также и меры, касающиеся убийц негражданского статуса. Мнение о том, что это было нововведением — не простое умозаключение из негативных показаний источников по афинскому закону. Признаки этого можно видеть в самом законе Платона, в «пробелах» и других странностях и недоделках, отмечаемых в его трактовке соответствующих типов дел. Об этом же говорят результаты проделанного сейчас анализа, который обнаружил склонность Платона, не сдерживаемую прецедентами реального законодательства, выставлять свои пункты, касающиеся неграждан в качестве убийц, поочередно по одной и по другой плоскости статусных различий, руководствуясь при этом скорее привычным терминологическим шаблоном, чем соображениями о реальных условиях, необходимых для того, чтобы достичь той цели, которую он, очевидно, наметил себе, т. е. полного охвата в своем законе всех возможных комбинаций статусов сторон. И наконец, этот анализ показывает, что в одном немаловажном отношении словопотребление в законе Платона имеет свой прецедент в афинском законе, а именно в том, что в мерах для ведущих дел во всех трех разделах этого закона убийца не определен по статусу, а назван просто «кем-нибудь».

¹⁰ См. Грейс, Правовое положение..., стр. 34—55.

STATUS DISTINCTIONS IN PLATO'S HOMICIDE LAW

E. Grace

Study of Plato's use of status terms in his clauses on homicide for the ideal city of the *Laws* provided unexpected support for the author's hypothesis, presented in *Eirene* XI, 1973, that, in the Athenian law the killer was everywhere presumed to be a citizen. The only direct designation of the killer attested in the sources on that law is the indefinite pronoun *tis*. Status is defined only in respect to the victim, in cases where «someone kills a slave or a metic or a xenos» (*Ath. pol.* LVII 3). Plato's law covers, or is plainly meant to cover, all status combinations of killer and victim. The measures on his leading cases are marked by more or less elaborate treatment of procedure. In these measures Plato, too, refers to the killer as «someone», while the victim is called «free» or «slave» (see I and II in the Scheme); in category III «free» is replaced by «fellow-tribesman», i. e. citizen. Measures on cases involving foreigners, especially in II and III, are indicated by term combinations with no procedural elaboration. In II they appear where no such treatment is called for, since the killings (in self-defence) are not to be prosecuted; but in III the omission is serious, suggesting that Plato had not yet thought how to differentiate these cases procedurally.

Though Plato's intention to provide universal coverage is unmistakable, he omits one important status combination, an omission largely to be explained by the two levels, or planes, on which status distinctions were made in his time. The first, and probably the earlier, is the antithesis *eleutheros-doulos*, a simple opposition between having and not having rights in the community. The second expresses a more complex differentiation, a gradation of rights rather than a simple opposition, and appears, e. g., in the passage quoted earlier from the *Ath. pol.*: here the metic is distinguished from the xenos, the slave is designated by a non-antithetical term (*oiketēs*) and only the citizen is not represented by a status term. The two planes of status distinction intersect at the point where the concepts «free» and «citizen» coalesce. This happens when *eleutheros* is used in its «archaic» sense, a use which continued sporadically into the 4th century (see the author's article in *VDI* 1968, 1, pp. 43—47) and occurs in various parts of the *Laws* (e. g., 848a-c).

In Plato's homicide law both the «free» victim and the «someone» killer represent citizens. This is shown by penalty distinctions between the *tis*-*eleutheros* case and those cases where the killer is a xenos (in I); by the fact that the law covers, besides the «someone»-«free» (or -slave) case-type, also both case-types in the xenos/*astos* combination, and (in II and III) even the slave-slave case — clauses which would be superfluous if *eleutheros* meant simply «free» and *tis* might be really anyone, whether slave or free, citizen or xenos. Moreover in II and III the «someone» killer in the leading case-type is further defined as a citizen by the penalty of exile (*pheugein*): see *Eirene* XI, pp. 8 f. As a result of his archaic use of *eleutheros* Plato «forgets» the whole xenos/slave combination. When he shifts from the first to the second plane of status distinction he apparently forgets that, having thus narrowed the meaning of *eleutheros*, he needs separate clauses on the xenos who kills an *oiketēs* and vice versa.

From the results of this analysis two inferences may be drawn which lend substantial support to the author's contention that the Athenian law contemplated only citizens as killers: 1. Plato evidently had no models to draw on for measures on non-citizen killers; 2. his use of *tis* to denote the citizen killer in his leading case-types did have its precedent — in the Athenian law.